

A black and white portrait of a young boy, Alexander Cherevkov, wearing a dark sailor's uniform. He is wearing a peaked cap with a star on the front and the words "ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ" (Black Sea Fleet) inscribed on the band. The uniform has a white-striped collar and a buttoned placket. The background is a plain, light-colored wall.

Александр Черевков

Воспоминания

18+

Александр Черевков

Воспоминания

<https://litres.ru/74303527>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детство, это самое лучшее время жизни, где каждый день открытия и приключения. Детство - начало дороги к старости, к которой мы спешим только в детстве.

Александр Черевков

Воспоминания

Глава-1. Проба познать

Часть-1. Стремление

1. Мой первый шаг

У каждого человека имеется память о первом шаге. Одним об этом рассказывают родители. Другие помнят свой первый шаг, связанный с чем-то ярким, что так же, как первый шаг остаётся в памяти на всю жизнь.

Сам не хочу выставлять себя исключением среди остальных людей. Моё развитие, как ребёнка, в первый год моего рождения не отличалось ни от кого другого из моих ровесников.

Так же как все дети был шумным и беспокойным. Постоянно требовал к себе внимание. Однако сам отчётливо помню свой первый шаг, хотя в то время моё сознание не сформировалось.

Мне часто снится тот удивительный сон моего детства. Мама поддерживает меня под руки на деревянном полу в большой комнате. Отец держит на уровне моих глаз огромный торт, украшенный яркими ягодами.

По самой середине торта большая свечка. Вокруг отца мои бабушки, которые пальцами рук приглашают меня подойти к торту, приготовленному к моему первому юбилею.

- Сынок! Этот торт тебе. - шепчет мама мне на ухо. - Иди, задуй свечку. Покушай вкусненький торт.

Сам чувствую, как дрожат мои колени от неуверенности в ногах к моему первому шагу. Мама придерживает меня руками и слегка подталкивает вперёд к красивому торту.

Сам неуверенно делаю свой первый шаг. Все присутствующие в комнате гости визжат от восторга и своим одобрением поддерживают меня к моему первому шагу.

Не совсем уверенно, но твёрдо, топаю сам к торту. Подойдя к торту, пытаюсь сократить свой шаг. Но скорость моего шага не сокращается. Со всего бега врезаюсь в огромный тор руками и лицом.

Весь обмазанный сладким кремом начинаю истерически кричать. В этот момент большая комната наполняется одобрительным криком и возгласами в мой адрес.

Родители одобряют мой первый шаг своими похвалами и облизывают с меня сладкий крем торта, как мороженое с палочки. Кто-то приносит мокрое полотенце, обтирают меня.

- Первый торт, как первый блин, тоже бывает комом. - говорит мне, мама, переодевая меня к столу.

Дальше помню, что во время дня рождения к нам в большую комнату дедушка Гурей принёс огромный манеж плетёный из вишнёвой лозы. Манеж круглый с мягкой подстил-

кой под моими ногами.

Меня ставят в манеж. Сам цепляюсь за верхний край манежа и начинаю передвигаться по кругу. Родители и гости рады моей самостоятельности в круглом манеже.

Теперь меня не нужно постоянно держать на руках. С этого момента сам вполне самостоятельный человек, в смысле моего передвижения по кругу манежа.

Мама может заниматься своими делами, а бабушка Нюся будет присматривать за мной, чтобы сам не ухитрился перебраться через барьер манежа на деревянный пол.

Так сам осваивал своё хождение и свой первый бег по кругу манежа. Пока манеж был мне в самую пору. Но сам также как все дети стал быстро расти. Вскоре плетёный манеж был мне не по росту мал.

Сам стал выбираться из плетёного манежа, набивая себе шишки на лбу об деревянный пол. К весне мне соорудили огромный манеж из досок. Поставили этот манеж у нас во дворе под огромное дерево тутовника.

В хорошую погоду в этот манеж принесли меня, детей семьи евреев-беженцев, а также детей наших соседей, которые построили себе дом возле нас через дорогу.

- Вот теперь у нас будет собственный детский садик. - радостно, сказала моя мама. - Будем по очереди присматривать за детьми. Кормить детей будем с общего стола. Не в ущерб другим.

На пол огромного манежа постелили толстые стёганные одеяла. Целый день в хорошую погоду мы находились в своём манеже. Забирали детей по домам на ночь или в плохую погоду. Каждая мама в свободное время приходила к манежу с детьми и начинала нас кормить всех подряд. Мы словно голодные щенки царапали друг друга, чтобы первыми добраться до вкусной пищи. Когда на дереве поспели крупные ягоды тутовника, то с этого момента нас невозможно было отличить друг от друга.

Дети были сытые и перепачканные в черный цвет спелых ягод тутовника. Манеж попытались было убрать от дерева тутовника под навес. Мы все разом, не сговариваясь, закатили истерику, когда утром в манеже не обнаружили сладких ягод тутовника.

Нас вернули обратно под дерево и оставили на произвол природы. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы молчало. Сам не помню точно, сколько было мне годиков, когда ко мне стали приходить в гости дети наших родственников.

После того, как рядом с новым посёлком на нашей стороне построили новый автомобильный мост. Со старого моста сняли вооружённую охрану. Разрешили свободное движение транспорту и людям.

Старый мост фактически превратился в передвижение местного населения. Каждое раннее утро было слышно, как мычат коровы, блеют овцы и козы, ржут лошади.

Горожане выводили на заливные луга за речкой Белка свой домашний скот. Сейчас конечно даже смешно подумать, что в городе может находиться домашняя скотина.

В сороковых, пятидесятых и даже в шестидесятых годах прошлого века, было обычным иметь в городе свой домашний скот и птицу. Следом за домашней скотиной, к нам на свежий воздух по выходным дням, приходили родственники из Гудермеса.

Летом часто приезжали к нам родственники из городов и станиц Чечни, а также из Дагестана и Северной Осетии. Мелкая речка Белка, леса, наполненные ароматом ландышей, лесные полянки, усеянные земляникой. Чем ни райский уголок для отдыха взрослых и детей.

- Сам твоя тётя Рая! Сам твоя тётя Рая! - трещала по выходным дням у моего уха девчушка ростом с меня. - Мы с тобой сейчас пойдём пасти гусей на речку. Там много детишек. Мы будем играть.

Позже от мамы сам узнал, что этой тёти Рае тогда было всего три годика. Она действительно по линии моей мамы доводилась мне тётей. Жила эта тётя Рая в Грозном и только всего один раз приезжала к нам с родителями отдыхать на лето в наш дом.

Она целыми днями игралась со мной во дворе или со стадом наших гусей на мелководье речки Белка. Это был лучший год её жизни. Больше сам никогда не видел свою тётю

Раю.

Мама долго ничего не говорила мне о неожиданном исчезновении моей единственной тёти Раи. Когда мне стало столько лет, сколько было тётё Рае, когда сам видел её в последний раз. Тогда мама мне рассказала, что после отъезда от нас к себе домой в Грозный, на следующий год тётя Рая умерла от воспаления лёгких в свои четыре года.

Целый день сам ревел по утрате, своей единственной тётё Рае. Мама стала беспокоиться за меня. Боялась, что у меня случится нервный срыв или какая-то другая беда по случаю моего расстройства.

У мамы часто на протяжении всей жизни с детьми, сбывались предчувствия беды, которая может постигнуть её детей. Так было и в тот раз. Непонятно по какой причине, но сам сильно заболел.

К вечеру у меня поднялась температура. Меня стало лихорадить. Надо было меня показать детскому врачу. Но в эти дни детского врача в поликлинике Гудермеса почему-то не было.

- Надо вести ребёнка срочно в Грозный! - заволновалась бабушка Нюся. - Там хорошие врачи. Рядом с больницей в старой крепости живёт моя двоюродная сестра Евдокия. Она присмотрит за Шуриком. Заодно побываете в гостях у Ивлевых. После смерти дочки они больше не приезжали.

Рано утром отец отвёз меня и маму на станцию Гудермес. В небольшом зале вокзала тепло и уютно. Народу совсем ма-

ло. Мама прошла со мной в самый дальний угол в зале ожидания.

Уложила меня на скамейку рядом с тёплой батареей. Отец остался со мной, а мама пошла к дежурному вокзала. Почти все родственники из нашего Старого хутора работали на станции и на вокзале Гудермес.

Были железнодорожниками по ремонту железной дороги,

а также по ремонту поездов. Мама быстро вернулась в зал ожидания. На руках у неё был билет в тёплый вагон.

Ехать от станции Гудермес до станции Грозный не больше часа. Но мама беспокоилась за моё здоровье. На улице поздняя осень. В плацкартных и общих вагонах, холодно и сквозняки, от которых можно заболеть даже взрослому человеку. Больному ребёнку достаточно того, что он и без того болен.

- Мария! Ты можешь, погостить у родных. - сказал отец маме перед нашей посадкой в поезд. - Сам присмотрю за твоей мамой и за нашим хозяйством. Если будет трудно, то приглашу родичей...

- Серёжа! Ты только не напивайся. - заволновалась мама. - Иначе обратно осколки полезут.

- Всё будет хорошо! Не беспокойся! - сказал отец, закрывая за нами дверь в вагоне поезда.

Поезд тронулся с места и под колёсами застучали стыки рельс железной дороги. Из-за болезни, у меня не было никаких сил передвигаться по вагону в сторону мягкого купе.

Мама с трудом подняла меня на руки и понесла в купе. Хорошо, что в мягком купе была всего одна женщина с грудным ребёнком. Нам можно было свободно располагаться на своей нижней полке у тёплой батареи.

Как только мама положила меня на тёплый матрас нижней полки и укрыла меня тёплым одеялом, то сам сразу разомлел и вскоре уснул впервые за сутки моей болезни.

Сквозь сон сам слышал, как мама разговаривает с нашей

попутчицей. Как опытная женщина с трёхлетним ребёнком, мама давала женщине какие-то советы насчет здоровья грудного ребёнка.

Мне было не интересно слушать женские разговоры. Поэтому сам принял удобную позу на нижней полке и сразу крепко уснул.

- Надо ребёнка переодеть, чтобы он потный не простыл на улице. - услышал сам сквозь сон голос мамы и чей-то знакомый женский голос. - Мы вас отвезём сразу в больницу. После к нам в гости.

Сам открыл глаза и удивился тому, что мы были не в мягком купе поезда, а в зале ожидания на вокзале станции Грозный. В это лето, мы с отцом по каким-то делам на один день ездили в город Грозный.

Поэтому сам хорошо запомнил зал ожидания вокзала станции Грозный. Здесь отец впервые купил мне, сливочное мороженное пломбир на палочке. Очень хорошее на вкус мороженное.

- Вот и внучок проснулся! - радостно, воскликнула бабушка Дуся, которая по возрасту была моложе моей мамы, именно у неё в семье была моя тётя Рая, которая умерла в возрасте четыре года.

Несмотря на то, что в зале ожидания было тепло, мне всё равно было зябко от того, что меня раздели наголо и махровым полотенцем обтирали моё потное тело.

Сам настолько сильно пропотел во время сна в тёплом ку-

пе мягкого вагона, что стал совершенно здоров. Вся моя болезнь вышла из меня вместе с потом. Мне не хотелось кушаться обратно в тёплую одежду.

Так как сам почти круглый год бегал по двору в одних трусах и никогда не болел. Однако мама настояла на том, чтобы сам тепло оделся. Потому что мама считала меня больным. Мне не стоило сейчас быть легко одетым.

- Мама! Ну, сам совершенно здоров. - капризничал сам, когда мама напяливала мне на голову шапку.

- Это доктор определит состояние твоего здоровья. - серьёзным голосом, сказала мама. - Сейчас одевайся тепло и быстро в машину. Ивлевы сейчас тебя отвезут в госпиталь на проверку к врачу.

Из рассказов отца о войне с фашистами сам хорошо знал, что такое госпиталь на фронте. Именно из госпиталя выходят здоровыми раненные и искалеченные войной солдаты.

Сам не был солдатом, но прекрасно понимал, что меня должен хорошо осмотреть в госпитале врач, чтобы сам вышел из госпиталя вполне здоровый человеком. Так же как мой отец здоровым выходил из госпиталя.

. Наши родственники Ивлевы жили у стены старой крепости Грозной. За стеной крепости находился военный госпиталь.

В этом госпитале в нескольких поколениях работали наши многочисленные родственники.

Поэтому в госпитале приняли меня родственники, как у

себя в гостях. Несмотря на мой бледный вид после болезни, меня родственники тискали в своих объятьях.

- Вы так и вполне здорового замнёте до смерти. - забеспокоилась мама, освобождая меня от объятий родственников. - Сейчас надо Шурку показать доктору. Как будет здоров, так мы сразу придём к вам в гости. Вот тогда можете его тискать сколько угодно. Хватит! Идём на приём к доктору.

Мама вытащила меня от объятий родственников и в сопровождении санитарки, мы пошли в приёмное отделение оформляться в больничную палату и на приём к доктору.

К моему удивлению, в приёмной палате вместо больных солдат находились дети, примерно моего возраста. Наверно тогда была эпидемия какого-то детского заболевания.

Иначе, почему так много детей на приём к доктору в военном госпитале для солдат. Может быть, мы все были дети инвалидов войны?

- Так молодой человек! Откройте рот. - серьёзным голосом, сказал мне доктор, когда мы по очереди зашли к доктору в кабинет. - Покажи язык. Покашляй! Сильно дыши! Не дыши! Сядь на стул.

Раздетого до трусов в прохладном кабинете доктор осматривал меня со всех сторон. Заглядывал мне в уши, в рот, в глаза. Прослушивал моё дыхание какими-то трубочками и с чашечкой.

Усадил меня на стул. Приказал мне положить ногу на ногу и резиновым молоточком стучал мне по коленам. Отчего

мои ноги дрыгались и мне стало до того смешно, что сам стал ржать во весь голос.

- Вы зачем привезли его к нам? - с удивлением, доктор спросил маму. - Ребёнок вполне здоровый!

- У него двое суток была высокая температура. - стала оправдываться мама, насчет моего здоровья. - Ребёнок не мог спать. У него была лихорадка. Мы вообще со дня рождения не были у детского врача. Вы должны хорошо обследовать моего сына. Может быть, у него что-то хроническое?

- Ладно! Уговорили! - согласился доктор с требованием мамы. - Оставим его на обследование.

Доктор выписал какие-то документы на размещения меня на обследование в больничной палате. Прямо из кабинета врача мы с мамой направились в кабинет дежурной санитарки.

Там с меня сняли последние трусы. Санитарка напялила на меня белую рубашку с белыми штанами. Мама в последний раз чмокнула меня в щеку и передала под сохранность медицинской сестре.

Конечно, никакой сестрой она мне не была. Просто в больнице есть такая должность, которая называется "медицинская сестра". Такой сестрой может быть женщина любого возраста.

Говорят, что бывают и "медицинские братья", но таких медицинских служащих тогда в госпитале сам не видел. Наверно они отдыхали от больных или работали в других боль-

ничных палатах военного госпиталя.

. Медсестра привела меня в детскую палату к больным, где сильно пахло лекарствами. В палате было прохладно и простыни на кровати были прохладными.

Можно подумать, что меня сюда привели не выздоравливать, а наоборот заболеть. Но сам был вполне здоровый и не боялся, что обратно заболею. Ведь доктор с уверенностью сказал маме, что сам вполне здоровый ребёнок.

Кроме меня в палате было пятеро детей моего возраста. Один ребёнок спал. Двое из-под простыни наблюдали за мной, как разведчики за шпионом, который пришёл незваным на их территорию.

Двое других больных ревели так, что хоть уши затыкай от такого шума. Они не слышали, как сам реву. Если на меня сейчас найдёт, то они пожалеют о том, что находятся здесь рядом со мной.

- Если захочешь какать или писать, то горшок под кроватью. - сказала мне, медицинская сестра.

Сам кивнул головой в знак понимания и тут же забрался под холодную простынь, чтобы согреться там и не заболеть. Болеть мне совсем не хотелось.

Ведь рядом от госпиталя через стену старой крепости Грозной живут мои родственники. Мне так сильно хотелось побывать в гостях у родственников.

Сам знал прекрасно, что в гостях всегда кормят разными сладостями и всякой вкуснятиной. Не успел сам помечтать,

как следует хорошо, в больничную палату пришла медсестра с тележкой, на которой были пачки и ампулы с лекарством, а также железная коробка со шприцами и иглами для уколов.

Мне такое пришлось видеть впервые. Поэтому сам просто наблюдал за передвижением медсестры с тележкой. Больные дети хором стали реветь.

Видимо они знали, что приход медицинской сестры с лекарством и уколами, это больно и опасно для жизни. Даже спящий больной ребёнок проснулся и стал вопить во всю глотку.

На всякий случай, сам тоже стал плакать заодно с больными детьми. Сам подумал, что так надо вести себя в палате, чтобы не было мне больно.

- Ты чего разревелся? - с удивлением, спросила меня медицинская сестра. - Тебе ничего не прописали. Уколов тебе не назначили и лекарства на тебя не выписали. Жди медицинского осмотра.

Сам тут же перестал реветь и со страхом стал ждать медицинского осмотра, который мог назначить мне уколы и лекарство. Пока сам внимательно наблюдал, как медсестра заставляет детей пить лекарство, а после в голые задницы больных детей вкалывает им уколы.

Отчего дети орут в два раза сильнее, чем до того времени, как медицинская сестра давала им не вкусные лекарства. Прошло около часу после того, как медсестра поила больных

детей отвратительными лекарствами и ставила им уколы в задницу.

Затем к нам кухарка привезла на тележке завтрак. Наверно решили нас подкрепить перед медицинским осмотром. Мама уже научила меня считать до десяти.

Поэтому сам сразу сообразил, что в отличии лекарства и уколов, завтрак на меня записали. Видимо беспокоились, что сам могу умереть с голоду до медицинского осмотра. За что им позже отвечать.

После домашней пищи больничный завтрак мне не понравился. Какой-то пресный и совсем не вкусный завтрак. Даже молочный суп и напиток непонятно из чего были сделаны.

Нет ни вкуса соли и нет вкуса сладости. Если раненых солдат так кормят, то сам сомневаюсь, что они из госпиталя выписываются вполне здоровыми людьми.

Может быть, в пищу что-то добавляют, чтобы больные выздоравливали? Раз доктор выписал такую пищу, то надо её кушать. Даже если не нравится. Когда завтрак закончился, кухарка убрала за нами грязную посуду, в нашей больничной палате наступила тишина. Видимо больные дети затаились в ожидании медицинского осмотра. Сам тоже молчал в ожидании неизвестно чего. Мало ли что могло произойти после такого невкусного завтрака.

Например, мне, вдруг захотелось на горшок. Садиться на горшок сам почему-то не решался. Неудобно сидеть на горшке перед больными детьми и медицинская сестра может ме-

ня заругать.

Однако у медсестры было совсем другое на уме. В нашу палату пришла санитарка с запасными горшками. Не спрашивая у нас согласия, она всех шестерых больных разом усадила на горшки рядом с кроватями.

Результат её труда не заставил себя долго ждать. В больничной палате появился такой отвратительный запах, что пришлось проветривать помещение, чтобы мы не умерли от собственного отвратительного запаха.

Медсестра и санитарка открыли форточки, а также двери. Держали помещение открытым до тех пор, пока санитарка убрала из палаты наши горшки.

Не успели мы прийти в себя от собственной вони, как к нам в палату явился долгожданный медицинский осмотр в количестве двух врачей и нескольких медицинских сестёр.

Нас стали осматривать по очереди. Начали с больного мальчишки, который утром спал и не ожидал, что с него начнут медицинский осмотр. Теперь он хныкал при виде врачей и медсестёр.

Хотя в это время никто не собирался поить его отвратительными лекарствами и делать ему больные уколы.

- Так, больной, на что вы жалуетесь? - подозрительно разглядывая меня, поинтересовался врач.

- У меня ничего не болит. - с удивлением кривя губы, ответил сам, доктору, который спросил у меня.

- Тогда зачем вы к нам приехали? Если у вас ничего не

болит. - вытаращив глаза, спросил доктор.

- Мы с мамой приехали сюда в гости. - откровенно, признался сам. - У нас здесь родственники живут.

- На случай профилактики сделай гостю больной укол. - сказал доктор медицинской сестре. - Если к утреннему осмотру здоровье гостя не станет хуже, то можешь его подготовить к выписке домой.

После того, как закончился медицинский осмотр, доктора и медсестры ушли из нашей палаты. Сам подумал, что доктор пошутил со мной насчет укола.

Довольный своим предположением насчет укола сам от всей души показал свой язык партнёрам по больничной палате. Но больные дети, наученные своим положением в больничной палате никак, не отреагировали на мой задорный язык. Видимо дети точно знали, что доктора насчет уколов не шутят. Раз обещали, то укол сделают. Прошло несколько минут ожидания, прежде чем в палату к нам пришла медсестра с большой иглой и со шприцом наполненным лекарством.

При виде шприца с иглой сам сразу стал хныкать, а дети довольные результатом хихикали у себя в кроватях под простынями. Медсестра положила меня на живот словно жертву.

Протёрла мою задницу ваткой с нашатырным спиртом и кольнула. Укол оказался ни настолько болезненным, как мне казалось раньше. Сам даже не вскрикнул от боли.

К тому же знал давно, от своих родственников, что казаки не плачут. Поэтому терпел, так как мечтал стать атаманом. После укола медсестра надела обратно мне больничные штаны.

Перевернула обратно на спину. Прикрыла меня до подборадка белой простыней и ушла из нашей палаты.

Больные дети, притихшие на время процедуры, которую проделывала со мной медсестра, после её ухода из нашей палаты, дети разом показали мне свои языки.

Сам со злостью показал им свой кулак. Хотел было встать с постели, чтобы надавать им тумаков за показанные языки. Но тут, же передумал. Мне стало жалко детей. Так как в отлучии от меня детей кололи каждый день.

В то время как сам со дня своего рождения запомнил всего лишь один укол, который сделали сейчас. Видимо медицинские процедуры, невкусный завтрак, медицинский осмотр и укол подействовали на меня.

Точнее на мой организм. Меня стало клонить ко сну. Сам посмотрел на больных детей. Они тоже укладывались спать. Наверно что-то было в продуктах или в уколах, отчего нас так разморило.

Сам тоже также как больные деть повозился в своей больничной постели и вскоре крепко уснул. Разбудил меня не звук, а аромат фруктов и домашней пищи.

Сам покрутил носом во сне и открыл глаза. Над собой увидел довольные лица родственников и мамы. Все улыба-

лись. При виде того, что сам открыл глаза меня стали чмокать со всех сторон и говорить мне приятные слова насчет моего здоровья.

Затем возле моей кровати на тумбочку положили разные фрукты и много продуктов.

- Сынок! Кушай! Тебе надо поправляться, чтобы не болеть. - сказала мама, усаживая меня в кровати. - Сам знаю, что в больнице никогда не накормят вкусной пищей, а фрукты тут редко бывают.

После маминых слов сам посмотрел на больных детей, у которых при виде такого изобилия разных фруктов и домашних продуктов просто слюни текли.

Сам знал по себе, что после больничной пищи ничего не хочется, как только поседеть на горшке. Поэтому сам встал с постели. Напялил себе на ноги больничные шлёпанцы.

Взял с тумбочки сетку-авоську с красными яблоками. По кругу прошёл по больничной палате и каждому больному ребёнку прямо в руки дал по самому большому яблоку.

Взрослые ничего ни стали говорить. Видимо понимали, что если будут хвалить меня за такой поступок, то своими похвалами обидят больных детей.

Мне тоже будет как-то неприятно слышать похвалу в свой адрес. Ведь сам дал яблоки больным детям, прежде всего не из-за того, что было жалко детей.

Мне просто хотелось поделиться с детьми ароматными яблоками. Как мы делаем каждый день у себя во дворе среди

детей наших соседей. Там среди нас нет больных.

Мы просто друзья, которые делятся друг с другом тем, что имеет каждый из нас. Отчего нам всем хорошо. Мама и родственники были у меня в гостях не долго. Сегодня рабочий день.

У каждого есть свои дела дома и на работе. Видимо все пришли ко мне в гости во время своего обеденного перерыва. Поэтому родственники чмокнули меня в щеку на прощание и пошли из нашей палаты по своим делам.

Мама задержалась всего на одну минутку. Поговорила с доктором возле моей кровати о моем здоровье. Чмокнула меня на прощание в щеку и тут же поспешила в гости к нашим родственникам.

После ухода мамы от меня из больничной палаты сам разделил все свои фрукты, овощи и продукты больным детям в нашей палате. Сам был вполне здоров и прекрасно знал, что завтра утром меня выпишут из госпиталя.

Дома у родственников меня ждёт такое изобилие, что любовью может позавидовать. Брать с собой из палаты мне совсем ничего не надо. Поэтому лучше пусть дети кушают.

Из всего того, что принесли мне родственники, сам оставил себе только один плод по своему составу похожий на холодец или на кисель из фруктового желе. Фрукт был по величине больше моего кулака.

Полупрозрачного цвета с жёлтым оттенком и с зёрнышками внутри, он трясся словно холодец. От плода исходил

удивительный фруктовый аромат.

Единственный плод, который нельзя было разделить, так как от прикосновения ножа плод мог лопнуть и расплзтись по ладони моей руки. Такой плод можно было только скушать за один раз. Название этому плоду было "ИНЖИР". Наверно так такой плод называли по его спелому состоянию, который был похож на какой-то жир. ни стал долго любоваться инжиром. Так как у меня уже слюни стали течь при мыслях о вкусном плоде.

Поэтому сам быстро вонзил свои острые зубы в инжир, как хищник вонзает свои клыки в жертву. Плод тут же лопнул от моих зубов. Жидкая масса плода с ароматным сладким вкусом расплзлась у меня порукам и по лицу.

Больные дети, следящие за моим плодом тут же, стали смеяться. Сам совсем не обиделся на детей. Тоже стал смеяться над тем, что не смог покушать плод.

- Здесь больница, а не детский садик! - закричала медсестра, когда вбежала в палату на наш смех.

Больные дети не унимались от смеха и показывали пальцами на меня. При виде меня испачканного в мякоть сладкого инжира, медсестра тоже стала громко смеяться, как озорная девчонка.

На наш дружный смех прибежали санитарки и дежурный врач по детскому отделению госпиталя. Насмеявшись вдоволь, медсестра и санитарки, по приказу дежурного врача стали наводить порядок в нашей палате.

Расшумевшихся детей уложили обратно в постели. Мою больничную одежду и постель пришлось менять. Так как больничное белье было испачкано сладкой мякотью инжира.

Едва только навели порядок в нашей палате, как наступило время обеденного перерыва. К нам прикатили тележку с больничным обедом, на который мы не могли даже смотреть, ни то, чтобы кушать после того, что мы кушали из домашних продуктов, которые принесли мне в палату родственники.

Кухарке ничего не оставалось делать, как только повернуть со своей тележкой на кухню. С утра болевшие дети после сытной пищи веселились к вечеру так, что дежурный врач припугнул нас выпиской утром домой из госпиталя.

От такого известия со стороны дежурного врача мы стали веселиться ещё больше, чтобы нас досрочно выгнали домой из больничной палаты. Мы успокоились только тогда, когда в палату пришёл офицер в форме и пригрозил посадить нас до утра в карцер, наполненный мышами и крысами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.